

Андрей Захаров – редактор журнала «Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре», доцент Российского государственного гуманитарного университета

Федерализм и распад СССР

Выступление на конференции «25 лет без СССР»
(Москва, Горбачев-фонд, 13 октября 2016)

Попытки ответить на вопрос о том, был ли распад СССР закономерным, неизбежно влекут исследователя к иному сюжету – к реконструкции того, как советская федерация создавалась. Обращение к истокам важно, поскольку именно там, возможно, и найдутся те малозаметные поначалу дефекты, которые позже повлекли за собой деконструкцию Советского Союза. Итак, что мы видим, обращаясь к истокам? Прежде всего, выбранный большевиками федералистский вариант был **вынужденным решением**. Советские вожди не дружили с федерализмом: Ленин всегда оставался откровенным державником, а федерализм рассматривал лишь в качестве неизбежного зла, с которым предстоит мириться в силу политической необходимости, четко ограниченной во времени. При этом многонациональное разнообразие уходящей империи обрекало его на «идеологическую акробатику»: сначала предстояло развалить старое государство, сокрушая его правом наций на самоопределение, а потом, не отказываясь от этого права полностью, требовалось восстановить империю - желательно в прежних границах. К новым опциям, в свою очередь, были предрасположены и националистические элиты распавшейся империи, которые в разгар Гражданской войны поняли, что белые генералы не собираются предоставлять малым народам автономию и в итоге выбрали меньшее зло в лице большевиков.

Удобство федерализма как формы организации политической пространства состоит именно в том, что он, с одной стороны, потакает национальным чувствам, а с другой стороны, держит их в неослабной узде, предлагает этническим группам элементы политического самовыражения, но при этом встраивает их под крышу «общего дома». Стремясь предотвратить полный крах империи и вернуть в нее «временно отпавшие» территории, большевики вынуждены были выдавать себя за тех, кем на деле решительно не являлись. Разумеется, они не предполагали, что федерализм станет интегральной структурой будущего советского государства. Более того, еще накануне революции их лидеры сомневались, надо ли связываться с этой слишком сложной системой. «Тенденция развития идет не в пользу федерации, а *против* нее, -- писал Сталин в марте 1917 года. -- Неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение». Интересно, что примерно так же рассуждала и группа большевиков, вступивших в дискуссию о федерализме с Лениным на VIII съезде ВКП(б) в марте 1919 года. Противясь обособлению национальных республик, «интернационалисты» во главе с Николаем Бухариным и Георгием Пятаковым называли федерализацию России опасной уступкой буржуазии. Проблема, однако, заключалась в том, что к 1919 году большевистские лидеры решительно пересмотрели собственные взгляды.

Сражаясь с упрямыми «интернационалистами», Ленин образца 1919 года как будто бы спорил с Лениным предвоенной поры. Когда федерализация стала оборачиваться снятием инородческих полков с «белых» позиций, он довольно быстро сделался решительным федералистом.

Объясняя «эволюцию взглядов партии по вопросу о государственной федерации», Сталин в 1924 году простодушно признавался: «Удельный вес национального движения оказался гораздо более серьезным, чем это могло казаться раньше, в период до войны, или в период до Октябрьской революции». Действительно, мощь национализма, захлестнувшего бывшую Российскую империю, пришлось оценивать на ходу, и, взвесив ее, коммунистические лидеры решили, что былое пренебрежение федеративным принципом теперь не просто несвоевременно, но и крайне опасно. Соответственно, идея федерализма появилась в системообразующих документах нового государства.

Федералистские принципы часто применяют в тех ситуациях, когда возникает необходимость переформатировать империю во что-то иное, более современное и эффективное. Российская многонациональность не оставляла большевикам выбора: в основу обновляемой государственности, помимо марксистской доктрины, был положен договор нескольких этнических групп. Учреждение этнических административно-территориальных единиц не было прихотью и своеволием коммунистов; оно выступало для них императивом, который навязывался обстоятельствами. А это означает, что, размышляя об устройстве нового государства, его случайные властители не могли не считаться с устремлениями своих нерусских подданных. Иными словами, в основе советского федерализма лежал баланс **интернационализма центра и национализма периферии**, на котором, собственно, и было воздвигнуто политическое соглашение, учредившее новое государство. Причем степень его добровольности, как представляется, в данном случае неважна; что действительно существенно, так это сама правовая форма, которая, несмотря на соседство с далекими от права коммунистическими структурами и порядками, оказалась исключительно живучей. Принципиальную важность избранной большевиками юридической новации трудно переоценить. Ведь в конце концов, по прошествии десятилетий, внезапно наполнившись живым содержанием, именно эта пустая, как казалось многим, форма разрушила СССР. И с этой точки зрения тактический выбор коммунистической верхушки, в годы гражданской войны склонившейся к введению в обновляемой стране федеративных установлений национально-территориального типа, можно считать роковым.

Сторонних наблюдателей всегда изумляла та легкость, с которой создатели новой советской империи довольно скоро пошли на фиксацию в ее конституционных установлениях «права наций на самоопределение вплоть до отделения». Почему? Действительно, парадокс был очевидным: коммунистическая федерация, очень похожая по своей сути на упраздненную империю и никогда не стеснявшаяся насилия, законодательно предусматривала свободный выход для всех желающих. Кстати, в мировой федералистской практике лишь СССР и Сенегамбия выступали в качестве федераций, основанных на договоре и

признании права субъектов на односторонний выход. Второе из упомянутых образований просуществовало всего семь лет, в 1988 году распавшись на Сенегал и Гамбию. А сегодня единственной федерацией, резервирующей за своими субъектами аналогичное право, остается Эфиопия – и ее постоянно за это критикуют. Можно, разумеется, отмахнуться от этого обстоятельства, объявив его следствием элементарной недалёковидности большевистских вождей, не сумевших или не пожелавших просчитать ходы наперед. Но такой подход будет поверхностным. Дело в том, что свободный выход из СССР являл собой оборотную сторону принципиальной новизны советской империи - империи, которая главный способ своего расширения видела не в силовых захватах, присущих прежним «империалистическим хищникам», а в добровольном присоединении к ней все новых и новых очагов «всемирной пролетарской революции». Именно по этой причине, инкорпорируя в Советский Союз очередной кусочек суши, коммунисты всегда заботились о легитимности процедуры. Мотивированная просьба о принятии в «социалистическую семью» формулировалась законно избранным органом власти вполне добровольно, причем вступающие в СССР заранее оговаривали для себя тот же статус, которым обладали прежние субъекты федерации. Подобный способ реконфигурации государственных границ резко отличался, скажем, от версальского переустройства, что делало его безусловно новаторским.

В отличие от англичан или французов времен интенсивного освоения Африки, в процессе которого о «демократии» никто и не вспоминал, большевистская экспансия везде, где только было возможно, пыталась опираться на «волю народов», причем фиксируемую правовым образом. Иначе говоря, федерализм как инструмент расширения собственных границ в нашем случае противопоставлялся более примитивному вооруженному присвоению, чаще всего односторонним образом оформляемому захватчиком. Соответственно, продолжением этой «игры в формальности» должно было стать и право свободно покидать СССР. Его наличие можно уподобить рекламному объявлению, призванному привлечь потенциального потребителя: ведь элитам соблазненных территорий вступление в федерацию дается гораздо легче, нежели присоединение к империи, потому что в рамках федеративных установлений их положение кажется более прочным, а аргументы, предъявляемые в ходе торга с центром, представляются более весомыми. Иными словами, свобода выхода из состава Советского Союза объяснялась стремлением этого принципиально нового государства выглядеть более модернизированным и, соответственно, более демократичным, чем его исторические конкуренты в лице старых колониальных империй или Соединенных Штатов. Право свободного выхода, ради упразднения которого американцы учинили самое масштабное кровопролитие за всю свою историю, покончив, как был уверен, например, Сталин, с федерацией, отныне предлагалось народам открыто и без всякой опаски.

Интересно, что московская идея наделить этнические меньшинства правом свободно покидать «социалистическую семью» была поддержана марксистами и в других странах. Так, конституция существовавшей с 1931-го по 1937 год Китайской

Советской Республики, принятая в ноябре 1931 года, провозглашала: «Советское правительство Китая признает за национальными меньшинствами, проживающими в стране, право на самоопределение, то есть право на полное отделение от Китая и образование собственного национального государства. Монголы, мусульмане, тибетцы, корейцы и прочие меньшинства... могут либо присоединиться к Советскому государству Китая, либо отделиться от него и учредить собственную государственность». Правда, в отличие от российских единомышленников китайские товарищи, придя к власти в 1949 году, почти сразу расстались не только с духом, но и с буквой этого замечательного принципа.

Причем следует признать, что это «желание нравиться» удалось весьма эффективно реализовать: страна Советов на долгие годы стала главным возмутителем спокойствия не только в Евразии, но и на других континентах, по самым различным поводам привлекая к себе необычайный интерес. Иногда эта политика «открытых дверей» оборачивалась курьезами. Например, мало кто знает о том, что с началом «великой депрессии» в советские учреждения, представлявшие интересы Советского Союза в США, в частности, в Совамторг, было подано более 100 тысяч заявлений американцев, желающих выехать в страну победившего социализма на постоянное жительство. Приняли тогда многих, хотя вернуться назад удалось лишь единицам. Приглашая энтузиастов, будь то отдельных людей или целые народы, коммунистическое государство предпочитало работать только «на вход». И, конечно же, принцип «открытых дверей» не был случайностью или недосмотром нового государства, но выполнял важнейшую организационную функцию. Одним словом, предоставление иным народам столь необычного права как бы выражало готовность новых властителей к компромиссу и повышало привлекательность нового строя, в том числе за пределами сферы влияния большевиков.

Другая важнейшая особенность новой формы, предложенной ленинцами, тесно связана с предыдущей, причем она столь же радикальным образом проявилась в 1991 году. Дело в том, что большевистский федерализм предполагал множество преференций для малых народов, приобщившихся к «социалистической семье». Откликаясь на запрос времени, пишет Терри Мартин, «революционное правительство России было первым среди правительств старых европейских многоэтнических государств, которое столкнулось с подъемом национализма и ответило на него, систематически развивая национальное сознание этнических меньшинств и создавая для них много институциональных форм, присущих нации-государству»¹. Фактически большевики провели деколонизацию еще до того, как она охватила прочие колониальные империи. Причем это было сделано нетривиальным образом: они объявили бывшим колонизируемым народам, что отныне им предстоит обладать более высоким статусом, нежели тот, что имели бывшие колонизаторы. Более того, в качестве

---

¹ Мартин Т. *Империя положительной деятельности: Советский союз как высшая форма империализма* // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. С. 88.

бонуса за прежнее «угнетение» многие (но не все) национальные меньшинства царской империи получили набор элементов собственной государственности.

Таким образом, усматривая одну из фундаментальных своих задач в преодолении великорусского национализма, последователи Ленина стали пионерами «покровительственной политики» в отношении меньшинств. Разумеется, такая политика была избирательной, но это не меняет ее сути: поощрение национального самосознания даже тех этнических групп, которые во времена Российской империи и думать не смели о собственной государственности, оставалось их более или менее неуклонной линией. Сказанное верно в отношении практически всех крупных этнических общностей бывшей империи, после 1917 года неожиданно получивших доступ к политическому творчеству. Эта линия порой резко колебалась, но в целом оставалась неизменной на протяжении всего существования Советского Союза. На нее не повлияли даже свертывание политики коренизации, состоявшееся в начале 1930-х годов, а также периодически охватывающие руководство страны приступы любви к русскому народу. Данный факт привносил любопытные нюансы в практику советского имперского строительства, и поэтому неоднократно подмечался учеными, интересовавшимися национальной политикой в СССР. «Империи традиционно ассоциируются с подавлением национальных идентичностей, ассимиляцией, доминированием чужеродной государственной власти над национальными меньшинствами, - пишет, в частности, Джереми Смит. -- Величайший парадокс советской империи состоит в том, что долгое время она занималась обратным: подобно другим империям, она имела возможность влиять на развитие наций, но ее влияние было позитивным, способствовало нациестроительству, поощряло этнический партикуляризм и коренизацию»².

Сложив два компонента вместе, мы получаем институциональный контекст, способствовавший – не обусловивший, но способствовавший, - распаду СССР в 1991 году. Сочетание вынужденного усвоения федеративной государственности, права свободного выхода, активного и длительного государственного строительства в союзных республиках, в условиях экономических и политических перегрузок должно было «сработать» именно так, как оно «сработало». В период политических перегрузок оно с неизбежностью создавало ситуацию так называемого «нерегламентированного торга», когда под вопрос может ставиться сама целесообразность союза. Как только политический авторитет КПСС девальвировался, дискуссия о том, надо ли сохранять СССР, была открыта. Ее итогом в конце 1991 года стал распад многонационального государства.

---

² Смит Дж. Оценка советской национальной политики: к построению количественной модели // *Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей*. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 353.